

Бесконечный мир «над» обычными дуэльными аренами, «Безграничное нейтральное поле». Всего лишь второй раз Харуюки нырнул сюда. А в одиночку — так вообще впервые.

Под бледно-желтым небом возвышались ряды громадных красно-бурых скал — свойство «Пустыня». Впрочем, в этом мире работает система под названием «переход», которая время от времени меняет его свойства. Харуюки пришло в голову, что надо добраться до места встречи, пока среда позволяет быстро передвигаться, и он побежал со всех ног по сухой земле.

Каковы бы ни были свойства мира, его география основана на реальном Токио. Седьмая кольцевая дорога тоже здесь была — сухая лощина между гигантскими скалами. Харуюки не стал бежать посередине, а предпочел держаться в тени скал, не забывая постоянно оглядываться по сторонам.

В «Безграничном нейтральном поле» существуют созданные системой монстры под названием «энеми» — они здесь передвигаются, они здесь живут. Харуюки лишь однажды видел эту громадину и не имел опыта сражений с такими. Каждый из них сильнее, чем даже высокоуровневый Бёрст-линкер, так что если они нападут на Харуюки, то с легкостью убьют — он ведь даже взлететь не может.

Он видел множество монстров, напоминающих коров и змей, в пустыне неподалеку, но, к счастью, ни один из них не обратил на него внимания, и Харуюки успешно добрался до границы Сугинами и Сибуи, близ Дайтабаси.

На всякий случай он взгляделся в тени окружающих скал, но никаких признаков большого скопления Бёрст-линкеров не заметил.

...Вместо этого.

Заглянув за угол перекрестка двух широких лощин, Харуюки тут же расслабился. Прямо посреди лощины стоял американский мотоцикл, а на нем, откинувшись назад и скрестив руки, сидел аватар в выпендренном черепообразном шлеме.

— Туууууу лэйт[1]! Тормозишь!!! — заорал Эш Роллер, взмахнув кулаком, как только увидел Харуюки.

— П-прости. Я бежал...

— Полз небось, чтобы «энеми» не заметили. Можешь о них не париться. На таких широких дорогах только ультраздоровенные появляются.

— Об эт-этом мог бы и заранее сказать! А что ты делаешь, когда появляются ультраздоровенные?

— Рыдаю и сваливаю, разумеется.

Харуюки под зеркальным шлемом вздохнул и, покачав головой, сменил тему.

— ...Ладно, так зачем ты меня сюда позвал? Чтобы продолжить?

— Дебил, даже если я возьму у тебя десять очков, то и потратил на то, чтоб нырнуть, те же десять, так что не смогу ничего не выиграть.

Тут лишнее «не». Харуюки хотел было поправить Эш Роллера, но передумал и просто развел руками.

— Тогда зачем мы здесь?

— Ну, полезай.

Эш Роллер произнес это так тихо, что у Харуюки отвисла челюсть.

— ...Э?

— Поедешь сзади. Шлем... да, шлем тебе не нужен. Хи-хи-хи, — и он указал пальцем себе за спину. Харуюки, чувствуя себя полным идиотом (он-то опасался ловушек и черт знает чего еще!), неуклюже сел на мотоцикл.

— Лады, теперь держись крепче. У моей машинки суровый разгон!!!

Где-то в районе «гон» Эш Роллер дал полный газ, и переднее колесо поднялось, заставив Харуюки опасно зашататься. Он быстро ухватился за Эша обеими руками, и черный мотоцикл, рыча и громяхая, помчался по улице Инокасира на восток, к центру Токио.

—У... уааа, — вырвалось у Харуюки, когда ветер ударил его в лицо, а все тело застонало от ускорения.

Мотор заревел выше, чем раньше; как только Харуюки подумал, что, наверно, это уже максимальная скорость, правая нога Эша врубила следующую передачу, и мотоцикл помчался еще быстрее. Красное дорожное полотно разбилось на множество лент, налетавшие спереди скалы одна за другой уносились за спину.

— А... это... слишком быстро... — почти простонал Харуюки, но ответ прозвучал совершенно спокойно:

— О? Ты че, дебил, это же даже не половина скорости твоего полета.

— Но... но на мотоцикле, вот так...

В реальном мире Харуюки даже на электрический скутер ни разу не садился. Конечно, он ездил на четырехколесных машинах, например на семейном автомобиле, который был у родителей до развода, да и на такси нередко доводилось ездить; но у электромобилей нет звука мотора, и, конечно же, внутри совершенно не ощущается ветер.

Но этот старомодный мотоцикл, хоть и сделанный из полигонов в виртуальном мире, был совершенно не похож на нынешние машины, где превыше всего ставятся экономичность и безопасность.

Подобные штуки громыхали на дорогах реального мира всего два десятка лет назад — Харуюки в это просто не мог поверить. Чтобы наездник сидел в одном лишь шлеме, ничем не защитив тело, без пояса безопасности, без ремней безопасности...

— Эта... эта штука до скольких может разгоняться?

Харуюки прокричал этот вопрос, поскольку со своего места не видел спидометра. Вновь последовал спокойный ответ:

— Он не гоночный, поэтому выдает всего около двухсот.

— Дву... двухсот...

Если что случится, я же помрууу! Так мысленно завопил Харуюки — и вдруг понял.

Эта машина — она такая.

Она не думает ни о чем, кроме скорости. Мотор работает, сжигая драгоценное ископаемое топливо, и не парится о вредных выбросах; сложная трансмиссия, ужасно толстые шины — все это создано исключительно ради того, чтобы быстро ехать.

Можно сказать, это чистое воплощение жажды скорости.

Словно противясь жизни, прикованной к земле, — двигаться быстрее, еще хоть чуть-чуть быстрее, не обращать внимания больше ни на что. С таким желанием человек без крыльев создал эту машину.

Харуюки, начисто забыв о своем страхе, задрал голову и уставился в бледно-желтое небо.

Там, в вышине, он увидел стаю похожих на птерозавров «энеми».

...Я.

Я ничего не понимал насчет силы крыльев, которые у меня были.

Орудие для сражений, дающее превосходство и победу. Только так я их и воспринимал. Но эти серебряные крылья — не спецнавык, полученный при повышении уровня, не «Усиленное вооружение», купленное за очки. Они созданы в моей душе, они должны были быть самой сутью аватара по имени Сильвер Кроу. Моим спасением, желанием и надеждой.

Я забыл об этом... считал их лишь инструментом, и... наверняка потому-то их и удалось так просто у меня отобрать. Но... когда же все так получилось?..

Поняв нечто столь важное.

Он отчаянно проглотил всхлипы, чтобы Эш Роллер, сидящий прямо перед ним, ничего не заметил.

Харуюки уже не боялся скорости в двести километров в час. Напротив, отчаянно ревущий под ним мотор стал для него восхитительным и надежным существом.

С улицы Инокасима мотоцикл свернул на юг, чтобы обогнуть самый центр города, потом вновь направился на восток.

Когда они были уже в Минато-ку, Харуюки наконец задал вопрос, который должен был бы задать с самого начала.

— Это... а куда мы едем?

— Ты уже видишь. Вон туда.

Глянув в направлении, куда показал Эш Роллер кивком шлема, Харуюки заметил прямо впереди между громадными скалами тонкий, высокий силуэт.

Видимо, очень крутая скала — нет, больше похоже на «башню». С земли она возносилась по прямой высоко в небо.

Чтобы понять, какое здание там в реале, Харуюки мысленно нарисовал карту южной части

Токио и через несколько секунд нашел ответ.

— Э... это, это старая Токийская телебашня?..

— Вери Йес[2]!

Не обращая внимания на странный ответ на английском, Харуюки принялся рыться в мозгу в поисках знаний.

Токийская телебашня в Минато, в парке Сиба, раньше распространяла телевизионный сигнал в окрестностях столицы. Потом, более тридцати лет назад, эту работу передали «Токио Скай Три», расположенной в Сумиде, близ Осиагэ.

После этого она еще долго служила обзорной площадкой. Но в Токио один за другим вырастали небоскребы высотой более 333 метров[3], так что с 2030 года для осмотра городской панорамы ее тоже перестали использовать. Сейчас там даже лифты не работали; башня сохранялась исключительно как памятник истории, и вход в нее был запрещен.

Глядя на медленно приближающуюся башню-иглу, Харуюки решил, что она, похоже, существует в «Безграничном нейтральном поле» как сплошной объект без какой-либо внутренней структуры. Стало быть, просто трехсотметровый каменный столб, возвышающийся посреди дикого пейзажа.

— Т-там что, есть что-то? — ошеломленно поинтересовался он. Эш Роллер в ответ выдавил что-то странное:

— Аа, ммм. Мм, ну, в общем, да, что-то. Там один человек, с которым я хочу тебя познакомиться.

— Человек?..

Не «тип», не «засранец», не «псих»?

— Ээ, аа, ладно, скажу: это мой Родитель.

— Чт, что?! — воскликнул Харуюки, потрясенный до глубины души. — Ро-родитель Эша-сана?! То есть... еще, еще более потрясающий? Бородатый, в темных очках, кожанке, с татуировками и пивным пузом?

— Засранец, за кого ты меня принимаешь!

После этого выкрика спина Эш Роллера задрожала (Харуюки не вполне понимал, почему).

— ...Позволь мне вот что сказать: если ты будешь так же трепать языком перед этим человеком, «сожаление» будет самым слабым, что ты почувствуешь. Мой Родитель уже очень давно отошел от участия в дуэлях, так что ты можешь и не знать... Раньше от прозвищ «Астро» и «МКБР» ты бы трясся от ужаса.

Харуюки шепотом повторил одно слово из этого странного предложения, внезапно закончившегося на «ужас».

— Эм... Ка-Бэ-Эр?..

— Ага. А, и еще одно... Было еще прозвище «Икар».

— ...Ну, оно вроде не особо страшное.

— Ну... да. Оно, кажется, появилось уже после ухода. Этот человек... до твоего появления этот Бёрст-линкер был ближе всех к небу во всем ускоренном мире.

Харуюки резко втянул воздух, и в тот же миг мотоцикл остановился, подняв тучу пыли.

Прямо перед ними из сухой красновато-бурой земли вертикально вверх, словно выверенный угольником, вздымался прямой каменный столб.

Диаметр его был метров двадцать. Почти идеально круглый, и ничего вроде входа или лестницы было не видать. В реальном мире вход в старую Токийскую телебашню был запрещен, и здесь это было воссоздано тоже.

Харуюки огляделся, пытаясь обнаружить человека по прозвищу «МКБР» или «Икар», но увидел лишь черепахоподобный силуэт, медленно движущийся вдалеке. Не может быть...

— Эээ... это и есть?..

— Дебил, это «энеми». Я жду, пока ветер прекратится.

— В-ветер?

Харуюки этого не замечал, пока мчался на мотоцикле, но — да, здесь дул довольно сильный ветер; это был эффект арены со свойством «Пустыня». Однако если для дуэли это важно, то сейчас-то для чего...

Едва он начал об этом думать — ветер, только что вывший без перерыва, резко стих.

— Аатлично, Поехали! Холд ми тайт[4]!!!

Этот внезапный выкрик застал Харуюки врасплох; в первый момент он не мог понять, к чему эта инструкция, но затем до него дошло.

Дав полный газ, Эш Роллер поднял передок мотоцикла, и Харуюки инстинктивно обхватил седока за талию. Мотор высоко взревел, и заднее колесо подняло облако пыли. Переднее колесо со стуком опустилось на вертикальную стену, и, не дав Харуюки времени даже подумать «чего, не может быть»...

...американский мотоцикл с двумя седоками поехал вверх по вертикальной скале.

— Уа... Уауауауа?!

Мысленно вопя «чёзахреееееень», Харуюки с легкостью представил себе, как вот сейчас мотик делает заднее сальто и грохается вниз.

Однако шины словно прижимала к поверхности скалы какая-то непонятная сила, и мотоцикл мчался вверх, даже не вихляя. Прошло пять секунд; Харуюки расслабился, и до него наконец дошло.

Это была спецспособность Эш Роллера, «езда по стенам». Харуюки мог с легкостью вспомнить множество раз, когда во время дуэлей этот мотоцикл свободно гонял по стенам зданий. Однако он понятия не имел, что эта машина способна без разгона подниматься так долго. Можно сказать и по-другому: прямо сейчас Эш Роллер непринужденно демонстрировал Харуюки, члену враждебного легиона, высший уровень своих способностей.

Однако Харуюки по-прежнему не мог понять его намерений; затаив дыхание, он смотрел на вершину башни.

Конечно, мотоцикл не развивал такой скорости, как по земле, но тем не менее упорно поднимался, рыча нижней передачей. Кинув взгляд вниз, Харуюки обнаружил, что до земли уже настолько далеко, что она стала как в тумане.

Когда он летал на собственных крыльях, высота была для него ничем. Но сейчас у него вдруг подвело живот, и Харуюки поспешно перевел взгляд обратно вверх. Наконец-то он увидел плоскую вершину башни; ее край чертил красивую дугу в желтом небе.

Им оставалось дотуда секунд десять. И тут — слева на Харуюки с воем надвинулась стена воздуха.

— Шит[5]! Ветер шииииит!

С этим грубым выкриком Эш Роллер крутанул ручку и направил мотоцикл правее. И тут же ветер беспощадно ударил по машине.

— Флай хаааай[6]!!!

— Гяаааа!!!

Словно оседлав ветер, сидящие на мотоцикле Харуюки и Эш Роллер отчаянно хватались за воздух, как будто плыли кролем. Возможно, это как-то помогло; во всяком случае, передняя часть мотоцикла взлетела над вершиной башни. Затем машина описала параболическую дугу, и заднее колесо приземлилось в пяти сантиметрах от края.

— Я, я второй раз на эту штуку не сяду! Никогда в жизни не поеду, если у этого меньше четырех колес!!!

Эти слова Харуюки выкрикнул уже после того, как скатился с седла и крепко вцепился в твердый камень руками и ногами. Что до Эш Роллера — тот, все еще сидя на мотоцикле, раздосадованно поцокал языком и покачал указательным пальцем.

— Похоже, не понимаешь, ю. На мотике прикольно как раз потому, что он может упасть.

— Это только что было не просто «упадем — не упадем»!

Провопив это так, что аж плечи затряслись, Харуюки покачал головой и лишь затем глянул на то, что было вокруг.

Вершина каменной колонны, заменявшей здесь старую Токийскую телебашню реального мира, представляла собой двадцатиметровую круглую площадку почти такой же формы, как основание.

Однако выглядело здесь все совершенно иначе, чем внизу.

«Небесный сад» — эти слова вдруг всплыли у Харуюки в голове. Повсюду свежо зеленела мягкая на вид трава. В центре был маленький родник, из которого струилась чистейшая искрящаяся вода.

Посреди озерца, образованного родником, дрейфовал крохотный островок — на котором Харуюки увидел нечто совершенно неожиданное.

Колыхаясь, как мираж, там медленно вращался овал голубого света. Это был «портал». Единственный способ выйти из «Безграничного нейтрального поля» в реальный мир.

Почему здесь? Харуюки был изумлен; большинство порталов располагалось на больших железнодорожных станциях или в туристических местах, например в известных зданиях. То, что он находился в районе старой Токийской телебашни, само по себе не было удивительным, но, чтобы им пользоваться, нужно быть Эш Роллером с его умением подниматься по вертикальным стенам или Сильвер Кроу, который мог летать (сейчас, правда, уже не мог).

Склонив голову, Харуюки отвел взгляд от портала и заметил на противоположной стороне садика еще кое-что неожиданное.

Дом.

Маленький, будто игрушечный, симпатичный домик стоял в окружении цветов. Белоснежные стены, темно-зеленая острая крыша. Зеленый плющ, обнимающий стены. Прекрасное зрелище, которое вполне можно принять за картинку из книжки.

Харуюки молча смотрел на дом, как вдруг входная дверь с легким скрипом открылась.

И тут же рядом с ним Эш Роллер соскочил с мотоцикла и встал по стойке «смирно».

Стало быть, тот, кто сейчас выйдет из домика, — и есть Родитель Эш Роллера. Какой-нибудь мачо во всем кожаном, «ангел из ада». Домик с этим образом совершенно не вязался, но Харуюки решил, что совершенно не удивится, если сейчас из двери выедет здоровенный «Харли».

В итоге, однако, его ждало невероятное потрясение.

Да, то, что с легким поскрипыванием выехало из домика, имело два колеса. Только не одно за другим, а рядом. Сверхтонкие, как нити, серебряные спицы; шины сантиметровой толщины — тоже серебряные, не резиновые. Сверху над всем этим было сплетенное из таких же серебряных нитей элегантное кресло.

Инвалидная коляска. Без двигателя, без глушителя — полная противоположность брутальному американскому мотоциклу.

Внешность человека, сидящего в кресле, была примерно в десяти тысячах световых лет от того, что ожидал увидеть Харуюки.

Вне всяких сомнений, это был дуэльный аватар. Руки, лежащие на коленях, — гладкие, с голубоватым блеском, твердые на вид. Подбородок на опущенном лице — угловатый, как маска.

Остальную часть лица Харуюки не видел, потому что на аватаре был головной убор. Не заостренная шляпа, как у Лайм Белл, аватара Тиюри, а что-то вроде белоснежного капора. И

все тело было укрыто таким же белым платьем.

...Что — женщина?

Словно подтверждая мысли потрясенного Харуюки, налетевший ветерок колыхнул длинными волосами под капором. Волосы опускались до самого пояса, и цвет их уходил в чистую синеву — нет, это был цвет ясного осеннего неба.

Колеса вновь скрипнули, и инвалидная коляска медленно покатила вперед. Однако руки аватара по-прежнему оставались сложены на коленях. Похоже, у коляски имелся какой-то механизм, позволяющий ей двигаться.

Коляска катилась — почти скользила — по выложенной кирпичом тропе вокруг озерца, пока не остановилась наконец в двух метрах от гостей. Голова в капоре приподнялась, и Харуюки увидел наконец лицо аватара. Он стоял столбом, не сводя глаз с этого лица. Просто невозможно было представить себе, чтобы вот это и был Родитель Эш Роллера, наездника арены «Конец века».

Как у большинства женских дуэльных аватаров, лицо закрывала маска, на которой были лишь глаза-линзы. Однако это лицо безо рта и носа показалось Харуюки куда более красивым, чем у всех похожих аватаров, виденных прежде. Сияющие на бледно-голубой поверхности маски красноватые глаза, похожие на финики, взглянули на Харуюки, потом на Эш Роллера.

— Сколько лет, сколько зим, Эш. Теперь я вижу, ты не забыл меня. Я рада.

— Д-давно не виделись, госпожа. Забыть — не, как можно, абсолютно нереально.

Эш Роллер почтительно склонил голову; но, к сожалению, Харуюки не успел поправить его, сказав: «Разве правильно не «Мегавстреча!»?» — потому что аватар небесного цвета снова обратил взгляд на него.

— ...Ты Сильвер Кроу, верно?

Когда она своим красивым, похожим на ветерок голосом обратилась к Харуюки, тот тоже машинально поклонился. Почему-то у него возникло ощущение, что он должен это сделать.

— А, ага, приятно познакомиться. Я Сильвер Кроу.

— Приятно познакомиться. Меня зовут Скай Рейкер[7]. Я очень рада, что мы встретились, Ворон-сан[8].

Почувствовав, как Скай Рейкер кинула взгляд на его плечи, Харуюки съежился. Судя по ее

словам, она уже знала про Сильвер Кроу; однако то, благодаря чему его имя стало известно во всем ускоренном мире, — серебряные крылья, — уже не существовало.

Избегая мягкого взгляда Скай Рейкер, который, казалось, видел все, что происходит у него в голове, Харуюки понурился.

Однако через пару секунд молчания, услышав слова Эш Роллера, он начисто забыл про стыд и снова поднял голову.

— Ну ладно... до свидания, госпожа, я... я, пожалуй, пойду.

— А... хааа?!

Харуюки подскочил к черепоголовому наезднику, возвращающемуся к своему мотоциклу.

— По-пойдешь... а я, а мне что делать!

— Как будто я знаю.

— Ни фиги себе «как будто я знаю», ты же меня сюда привез!!!

— Это потому что ты был в депрессняке, рыдал и не знал, что делать. Я так старался, чтобы снарядить мотик ракетами, а без тебя мне ими и не похвастаться толком...

Поворчав, Эш Роллер затем поскреб подошвами ботинок по камню, словно счищая с них грязь; потом его тон вдруг изменился.

— ...Слушай, Кроу. Я не знаю, что там у тебя случилось, что ты потерял крылья; но ты сейчас, скорей всего, думаешь примерно так: без полета ты не можешь побеждать, а значит, драться бесполезно. Однако... ты знаешь, сколько в ускоренном мире Бёрст-линкеров, которые хотят летать, а не могут; ты об этом думал?

Резко втянув воздух, Харуюки машинально опустил глаза. Однако острые слова Эш Роллера продолжали его жалить.

— В конце концов, за долгое время, что мы дуэлимся, всякое может произойти. Можем и лишиться сил. Но твои крылья — не то, из-за чего сразу надо сдаваться, как только их не стало. Если ты так и продолжишь сражаться, как сонная муха, и в конце концов просто исчезнешь, то все мы, кто задирает головы и смотрел, как ты летаешь, — все мы...

Словно не в силах произнести остальные слова, Эш Роллер лишь яростно топнул.

Снова съежившись, Харуюки мысленно ответил:

Я тоже, тоже не хочу сдаваться. Но мои крылья... способность к полету потеряна на системном уровне — что же я могу сделать?

Медленно, будто свинцовую, подняв голову, он как-то сумел выдать:

— ...Конечно, в той дуэли я себя неправильно вел. Но... то и это, какая тут связь?

— Эээ, а, это... это... ну, в общем...

И тут сзади раздался голос до сих пор молчавшей Скай Рейкер, Родителя Эш Роллера.

— Ворон-сан. Эш думает, что я, возможно, смогу помочь тебе вернуть крылья.

— Э.

У Харуюки округлились глаза и отвисла челюсть.

— Мои, мои крылья?.. Помочь, говоришь... но ведь Эш-сан в Зеленем легионе —

— А, точно! И это фигово, да?! — прокричал Эш Роллер, рывком усевшийся в седло мотоцикла.

— Слушай сюда, не воображай там всякого! Это тебе займы! Не, это тактика! Чтоб повысить твой параметр лояльности и когда-нибудь чтоб ты предал Черный легион — секретная операция, понял, засранец? Уии, я мегакруууут!!!

Скелетный наездник Эш Роллер поднял к небу средний палец; но тут снова донесся голос Скай Рейкер.

— Это вульгарно, Эш.

— Да, прости, госпожа. Ну, ну ладно, позвольте мне вас покинуть, прошу прощения!

Двигатель взревел, американский мотоцикл рванул к озерцу посреди сада, подпрыгнул на берегу, полетел к сияющему голубому portalу —

И исчез.

Стоя на месте в суперобалделом состоянии, Харуюки наконец сумел прошептать:

— ...Секретная операция, говоришь... Тогда плохо, что ты это сказал...

Услышав это, Скай Рейкер негромко рассмеялась и произнесла:

— Голова, язык и внешний вид у него оставляют желать лучшего, но в остальном это хорошее дитя.

...А «остальное» — это что вообще.

Эта мысль покрутилась у него в голове несколько секунд; наконец Харуюки выбросил ее оттуда и подошел к серебряной инвалидной коляске, стоящей на берегу озера.

Грудь его распирали куча вопросов; сомневаясь, с какого лучше начать, он наконец нерешительно раскрыл рот.

— Аа... это... Эш-сан сказал одну вещь. Что ты «ближе всех к небу во всем ускоренном мире»...

Скай Рейкер кивнула, ее улыбка стала какой-то прозрачной.

— Эш сказал про тех, кто хочет летать, но не может. Это он про меня... точнее, следовало бы сказать, что я не смогла полететь. Эти руки так и не смогли дотянуться до неба.

Харуюки примерно такого ответа и ожидал, но все равно невольно зажмурился.

Тогда она имеет полное право не помогать мне, а, наоборот, мешать.

Невольно эта мысль родилась у него в голове, однако он просто не мог не потянуться за тонкой нитью надежды, возникшей у него перед глазами.

Моргнув, он поднял голову и сиплым голосом выдал следующий вопрос:

— Тогда... это правда?... Что ты... можешь вернуть мне крылья...

На этот раз немедленного ответа он не получил.

Металлически блестящая прическа цвета неба приподнялась, и безмятежный аватар какое-то время молча смотрел на Харуюки — а потом отчетливо произнес:

— Это невозможно.

— Э...

— Если дуэльный аватар что-то теряет, на то всегда есть причины. Ни это место, ни я не можем повернуть время назад.

— ...

Нить надежды оказалась перерезана, и Харуюки вновь повесил голову, его сердце налилось свинцом. Прежде чем его взгляд поднялся обратно, Скай Рейкер будничным движением приподняла подол платья, закрывавшего ее тело, и у Харуюки глаза вылезли из орбит.

— Взгляни.

Там было... точнее, там не было того, что должно было быть ниже колен.

На конце стройных, точеных бедер были шарнирные коленные суставы. Однако голеней, которые должны были идти от этих суставов дальше, не было.

Поскольку аватар ездил на инвалидной коляске, Харуюки мог бы догадаться, что у него какие-то проблемы с ногами. Но почему у дуэльного аватара пропали ноги?

Да, конечно, во время сражений отдельные части тела могут теряться по самым разным причинам. Сам Харуюки множество раз лишался рук и ног. Однако по окончании дуэли урон, связанный с потерей части тела, всегда обнулялся, и на следующую арену аватар выходил как новенький.

У Харуюки перехватило дыхание. Не в силах отвести взгляд, он подумал:

Неужели Скай Рейкер тоже?.. Какой-то Бёрст-линкер со способностью, примерно как у Номи, Даск Тейкера, навсегда отобрал у нее ноги?..

Однако следующие слова, которые он услышал, опровергли это предположение.

— Я сама решила их отрезать.

— Ээ?!

— Я решила, что ноги мне больше не нужны, и попросила кое-кого их отрезать, прекрасно понимая, что этот мой поступок — невероятно эгоистичный, высокомерный и безумный. После этого, сколько бы я ни возвращалась в ускоренный мир, мои ноги так и не вернулись. Это значит... внутри меня даже сейчас еще горит огонь безумия — вот что это значит. Скорее

всего, пока он не погаснет, мои ноги так и останутся вот такими.

Глаза цвета зари неотрывно смотрели на Харуюки, и Скай Рейкер тихо подытожила:

— С твоими крыльями то же самое. Пока ты сам не разберешься с причиной, почему ты их лишился, они к тебе не вернутся.

Причина.

Спецнавык Номи/Даск Тейкера, «Демоник командир».

Нет, неправильно. Причина — само поражение. Пока Харуюки не победит Сейдзи Номи на всех фронтах и не избавится от шрама поражения, глубоко пробороздившего сердце, он не получит свои крылья назад. Вот что это значит.

Однако это уже невозможно. Потому что вся сила Харуюки была в способности к полету, которой он лишился, а Номи, который ее украл, наоборот, свободно летает. Харуюки просто не видел, как он может победить.

Невольно Харуюки опустился на колени, на траву —

И тут Скай Рейкер произнесла нечто неожиданное.

— Что бы ты ни делал в этом саду, это не вернет тебе крылья. Однако я не утверждала, что ты не сможешь летать, Ворон-сан.

— Давай присядем и поговорим, что делать дальше.

После этих слов автоматическая инвалидная коляска, тихонько скрипя, поехала, и Харуюки в полном замешательстве зашагал следом.

По краям небесного садика с восточной, западной, южной и северной сторон стояли белые скамейки. У них не было спинок, так что садиться можно было с любой стороны. Скай Рейкер остановила коляску у северной скамейки, глядя наружу, и Харуюки нерешительно сел рядом. Когда он поднял голову, у него захватило дух от открывшейся перед ним панорамы.

Он видел центр Токио в режиме «пустыни» с высоты триста метров.

Все вокруг Нагаты-тё представляло собой руины из громадных красных камней. Высоко в небо

поднимались каменные арки.

Еще дальше взгляд приковывало к себе великолепие ярко-красного замка. В реальном мире там был императорский дворец. Каким бы свойством ни обладала арена, он всегда присутствовал — иногда величественный, иногда пугающий.

Интересно, кто там живет... Такая посторонняя мысль пролезла к Харуюки в голову, но тут Скай Рейкер нарушила молчание.

— Я думала о том, что хорошо бы как-нибудь встретиться с тобой, Сильвер Кроу.

— Э... а, Сп-пасибо... — промямлил Харуюки, опустив плечи. При взгляде на него небесный аватар словно бы тепло улыбнулся и тихо продолжил:

— Семь лет прошло с начала существования ускоренного мира, и наконец появился аватар, способный летать. Когда я услышала про тебя от Эша, я была потрясена, но в то же время мне стало интересно. Я думала... какая же душа... какая раненая душа смогла выплеснуть силу, достаточную, чтобы преодолеть колоссальную гравитацию нашего мира.

— Не, это... п-прости. Мои, мои раны — это на самом деле ничего особенного, — замотал головой Харуюки, съежившись еще сильнее. — Всего лишь я в реале толстый, ко мне долго приставали... ну, такое. Называть это ранами как-то даже нахально, я так думаю.

Он сам не понимал, почему говорит такие вещи человеку, с которым только что познакомился, более того — Бёрст-линкеру, связанному с членом враждебного легиона; тем не менее, как ни странно, слова свободно вытекали из рта.

Услышав все это, Скай Рейкер снова улыбнулась и покачала головой.

— После установки программа «Брэйн Бёрст» читает сознание владельца и на основе этого создает дуэльный аватар; однако «сердечные раны» далеко не всегда имеют в основе гнев или ненависть.

— Э?.. Это, но раны же, это же всякие плохие чувства, да?

— Верно, но не только они. Если у человека сплошь негативные мысли, скажем, ярость, — сто процентов, что получится дуэльный аватар, который тяготеет к чистому разрушению. К примеру, та катастрофа, которая потрясла весь ускоренный мир, «Кром Дизастер».

Услышав это имя, Харуюки резко втянул воздух.

Когда Харуюки увидел кошмарную атаковую мощь «Доспеха бедствия», Кром Дизастера, он

был потрясен до мозга костей; это было всего несколько месяцев назад. Да уж, это «Усиленное вооружение» точно пропитано невероятной злобой и яростью.

— ...А те, у кого источник — обида или зависть, получают аватары, склонные к непрямым атакам; те, у кого в основе отчаяние, нередко ранят себя, чтобы нанести урон противнику, — саморазрушающиеся аватары. Но далеко не все аватары имеют разрушительную силу такого рода; ты ведь это уже понимаешь, верно?

— ...Ага.

Все было в точности так, как она сказала. Крылья Харуюки сами по себе не были орудием уничтожения, и мотик Эш Роллера тоже. Но тогда «сердечные раны» — что же...

— Рана означает потерю. Дыру в сердце, которая остается, когда ты лишаешься чего-то дорогого, — тихо ответила Скай Рейкер, словно прочтя, что творится в груди у Харуюки. — Оставить эту дыру пустой и отдаться гневу, возмущению, отчаянию — или снова потянуться вперед. Этот выбор и определяет, какой получится аватар.

— Потянуться... вперед?

— Да. Это называется «надежда». Сердечная рана — другая сторона стремления.

С чувством кивнув, Скай Рейкер подняла голову и взглянула Харуюки прямо в глаза из-под своего белого капора.

— Сильвер Кроу. Из всех Бёрст-линкеров, кто появлялся в ускоренном мире, ты, должно быть, сильнее всех хотел дотянуться до неба. Твоя сила воли, твое стремление к небу создало тебе способность летать, создало крылья. Слушай внимательно... ты летал вовсе не потому, что у тебя были крылья. Все наоборот. Ты хотел летать, и ты заставил крылья материализоваться.

— Я хотел... летать...

Он хриплым голосом повторил эти слова, потом еще несколько раз прокрутил их мысленно, пытаясь понять, — потом лицо Харуюки под серебряной маской исказилось, и он замотал головой.

— Это... ерунда какая-то. Если можно летать на одной силе воли, то... эти крылья, получается, только для красоты...

— В конечном счете все именно так. Какой-то феномен привел к тому, что крылья, которые ты считал объектами, и «способность к полету», прописанную в системе, у тебя отобрали. Однако источник твоей способности к полету, силу воли, у тебя никто не отбирал. Потому что это отобрать невозможно, кто бы какими бы спецприемами ни пользовался.

— Не может быть... не может такого быть! — Харуюки обхватил колени и опустил голову. — Даже если во мне есть желание летать в небе, это всего лишь... триггер. «Брэйн Бёрст» его прочел и создал крылья и способность к полету. Если так, то в этом мире эта способность и должна быть сутью аватара! И если... если я ее не заберу обратно, я никогда...

Последние слова он простонал, обхватив себя руками с такой силой, что чуть пальцы не отломились.

Какое-то время был слышен лишь свист ветра, дующего в трехстах метрах над землей. Перед глазами Харуюки у самого края тянувшегося к небу садика покачивался незнакомый цветок. Порыв ветра оборвал его лепестки и унес.

— То есть ты хочешь сказать что-то в таком ключе?

Даже после выплеска ярости Харуюки донесенный до него ветром голос Скай Рейкер звучал так же спокойно, как и прежде; более того, в нем слышались нотки веселья.

— «Здесь, в ускоренном мире, такие вещи, как сила воли, бессмысленны. Все, что здесь происходит, определяется только системой — компьютерными вычислениями и данными».

— ...Но это же так и есть, да? Это же VR-игра. Цифровые данные, да — что же еще.

— Моя коляска.

Эта резкая смена темы заставила Харуюки поднять голову.

— Посмотри повнимательнее. Это не «Усиленное вооружение». Это ровно то, на что она похожа, — просто кресло и колеса. Однако ты уже видел, как она ехала сама собой, верно?

Сбитый с толку Харуюки никак не мог понять смысл вопроса, но тем не менее ответил:

— А... ага. Там внутри какой-то двигатель, да? Что-то вроде моторчика.

Там должен быть моторчик. Раз она ехала сама собой. А в руке, наверно, маленький контроллер...

С этой мыслью Харуюки вытянул шею и уставился на элегантное серебряное устройство.

После чего его ударил по башке такой мощный шок, что глаза превратились в щелочки.

Ничего. Тонкая ось, ступица, обод — но ничего, что напоминало бы мотор, не было. Может,

реактивный двигатель? Харуюки заглянул за коляску, но ни сопла, ни чего-то еще подобного тоже не обнаружилось.

— Но, но, совсем недавно, она же ехала, сама.

Сидя перед обалдело бормочущим Харуюки, Скай Рейкер развела тонкие руки, прежде сложенные на коленях. В руках не было ни намека на какой-то контроллер.

Сохраняя эту позу, совершенно неподвижный аватар в инвалидной коляске —

Скрипнув колесами, медленно отъехал назад.

— ...Не... не может быть.

Скрип, скрип. Коляска еще отъехала назад и, очутившись на траве, вдруг развернулась. Мало того — она, как фигурист на льду, принялась изящно выписывать кренделя. Несколько секунд длился этот танец, после чего коляска застыла в исходном положении — словно и не сдвигалась вовсе.

— Как ты это сделала?

— Как я это сделала... спрашиваешь.

Плечи Харуюки задрожали, глаза распахнулись до предела.

...Она просто не могла двигаться. Этот мир, созданный программой «Brain Burst», можно сказать, стремится воспроизвести реальность, стать второй реальностью. Всем машинам необходимо оборудование, приводящее их в движение, а этому оборудованию, в свою очередь, необходим источник энергии. Если взять для примера мотоцикл Эш Роллера, то у него есть бензин в баке, а ведущее колесо соединено с двигателем цепью и благодаря этому может вращаться. Вот почему, когда Харуюки во время той дуэли поднял заднее колесо, мотоцикл не мог двигаться. В какой-нибудь другой игре устройство двигательной системы не имело бы значения, и даже на переднем колесе мотик мог бы ехать.

Поэтому то, что коляска Скай Рейкер может ехать сама, без звука моторчика, без реактивных выхлопов, — это...

— Невозможно... она не должна. Что-то... какая энергия ее двигает?

На вопрос, который Харуюки наконец выдал.

Дуэльный аватар с волосами небесного цвета, мило улыбнувшись своей маленькой маской, ответил:

— Воля.

— Э?!

— Ее движет моя сила воли.

На этот раз Харуюки испытал такой шок, что у него чуть душа не отлетела. Запинаясь, словно прокручивая побившийся звуковой файл, он принялся бессвязно выкрикивать:

— Но, но. Но, но... это, это же, как будто. Как будто... движение силой мысли! Это, это значит, это... «психокинез» или типа... так, что ли?..

Улыбка Скай Рейкер стала немного смущенной, и аватар покачал головой.

— Хи-хи-хи, вовсе нет. В этом мире... и на обычной дуэльной арене, и в «Безграничном нейтральном поле» любой Бёрст-линкер так может.

— Э... эээ?!

— Подумай, пожалуйста, вот о чем. Когда у тебя были крылья, ты мог летать совершенно свободно. Правильно?

— Д-да...

— Но как тебе удавалось управляться с крыльями? Ведь в реальном мире у тебя нет опыта пользования крыльями или чем-то подобным.

Харуюки раньше об этом не думал и, когда Скай Рейкер его спросила, удивленно заморгал. Потом, машинально шевельнув плечами, нерешительно ответил:

— Это, ну... двигал лопатками...

— Если бы дело было только в этом, то ты в бою не мог бы нормально пользоваться кулаками, не так ли? Пожалуйста, вспомни. Даже если ты этого не осознавал, твой полет контролировался твоей же силой воли. Правильно?

— ...

Харуюки не мог произнести ни слова. Если подумать... Действительно ведь Сильвер Кроу в бою активно махал руками; кроме того, он мог взлетать откуда угодно без разбега, мог прямо в воздухе останавливаться и зависать. Если бы в такой момент его спросили, как он управляет своим телом, — он бы не ответил.

Однако и объяснение Скай Рейкер он переварить не мог. Покачивая головой, он наконец произнес:

— Сила... воли. Но тогда, тогда... как она считывается? У нейролинкера такой функции... не должно...

Сразу после того, как эти слова покинули его рот, в ушах Харуюки раздалось эхо слов Черноснежки.

«Нейролинкер имеет доступ не только к сенсорной и моторной коре мозга».

Но их можно отнести к предыдущей части разговора, про «сердечные раны». Это Харуюки вполне понимал. «Сердечные раны» можно интерпретировать как память. Но как можно превратить в данные что-то неопределенное, такое как «сила воли»?

— Может быть, ты поймешь, если я использую другое выражение — «сила воображения»?

Голос Скай Рейкер заставил Харуюки резко поднять голову.

— Воображения?..

— Да. Вполне можно назвать и так. Когда ты хотел во время полета разогнаться, поворачивать, тормозить, ты наверняка очень четко представлял себе эти действия. Нейролинкер считывал это и двигал твой аватар. Воображение! Вот в чем главная, тайная сила Бёрст-линкеров. Эта коляска — воплощение, инкарнация того, как я представляю себе ее движение; так я ей и управляю. Я заставляю ее так активно двигаться, но на это потребовалось очень много времени... однако ничего невозможного в этом нет. Совершенно точно.

Правое колесо, скрипнув, вновь крутанулось, и Скай Рейкер вместе с коляской развернулась лицом к Харуюки.

Ее следующие слова несли в себе эхо величественного, таинственного, божественного откровения.

— Внутри обычного механизма управления аватаром, «управления действием», таится другой

— «управление воображением». Бёрст-линкеры, достигшие этой силы, зовут ее так. Сила мысли — инкарнация.

Пауза.

— «Система инкарнации».

— Инкар... нации?

Этого слова он раньше не слышал ни в ускоренном мире, ни в реальном.

Но вот это вот эхо — в нем чувствовалась какая-то убедительность. Харуюки покатал новый термин во рту.

Слова Скай Рейкер он был не в силах понять сразу же. Конечно, принцип работы нейролинкера совершенно не такой, как у VR-устройств предыдущего поколения, а «Brain Burst» — вообще непостижимое суперприложение; однако процесс «перевода воображения человека в данные» Харуюки все равно не понимал — какой механизм может так делать?

И однако — вот же она, изящная серебряная инвалидная коляска, которая лишена всяких двигателей, но тем не менее способна танцевать на траве. Только в этом и есть правда.

...Прими это.

Так сказал себе Харуюки, крепко зажмурившись.

Все замкнулось. Если воля... если вера обладает в этом мире реальной силой и если Харуюки поверит словам Скай Рейкер, то они станут правдой и для него.

— Значит... значит...

Что-то большое и горячее перекрыло Харуюки горло, и он с огромным трудом выдавливал слова.

— Если я смогу использовать «систему инкарнации», то я... смогу снова летать и без крыльев...
ве-верно?

Впившись глазами в лицо Скай Рейкер, будто стремясь сожрать его, Харуюки с обжигающим нетерпением ждал ответа.

Однако тихие слова, раздавшиеся несколько секунд спустя, не дали ему ни «да», ни «нет».

— ...Я только что показала тебе, как могу двигать колеса с помощью системы инкарнации, да? Однако я могу и не напрягать воображение, а делать то же самое просто руками. Понимаешь... делать силой мысли то, что можно делать и обычными способами, и пытаться с помощью системы инкарнации воплотить то, что в норме невозможно, — между одним и другим очень широкий и глубокий провал... нет, пропасть. К примеру, как в реальном мире попасть пулей в другую пулю. Это физически возможно, но очень трудно. Чрезвычайно трудно.

Скай Рейкер отвела глаза от застывшего Харуюки и непринужденно задрала голову к небу.

В последовавшей затем спокойной речи прозвучало нечто неопишное.

— Я не смогла этого сделать. Я отбросила ноги, друзей, все, о чем только могла подумать, — и все равно мне не удалось преодолеть виртуальную гравитацию этого мира... Я ведь уже сказала. «Бёрст-линкер, который хочет летать, но не способен» — это про меня...

— А... ага...

Полностью поглощенный услышанным, Харуюки кивнул. Аватар цвета неба вытянул вверх тонкую руку и тоже кивнул.

— Я была близка, но так и не сумела дотянуться... Мой аватар с самого начала имел «Усиленное оружие». Оно дало мне способность оторваться от земли и приблизиться к небу. Однако это вряд ли можно было назвать полетом. Один короткий импульс, прыжок метров на сто вверх, потом приземление — вот что было вместо полета.

— ...

Не в состоянии хоть что-нибудь ответить, Харуюки слушал, не дыша.

Как-то раз он решил проверить, насколько высоко может взлететь Сильвер Кроу. Обычные дуэльные арены с четырех сторон окружены полупрозрачными стенами, но что сверху — это ему хотелось узнать.

Результат был таков: даже когда Харуюки полностью израсходовал шкалу спецатаки, он так и не дотронулся до границы. Высота, на которую он тогда поднялся, — он помнил, что это было втрое выше Дома Правительства в Синдзюку, возвышающегося вдаль. А это здание, построенное недавно, гордилось своей высотой в пятьсот метров. Стало быть, Харуюки с легкостью поднялся более чем на полтора километра, причем просто из любопытства.

...Я даже не думал о значении той силы, которая у меня была.

Харуюки съежился еще сильнее, чем раньше; его охватил такой же стыд, как тогда, на мотоцикле Эш Роллера. Голос Скай Рейкер продолжал звучать.

— ...Однажды меня охватило страшное желание лететь выше и дальше. Я пускала все бонусы, которые получала с повышением уровня, на то, чтобы усиливать прыжок, я не вылезала из сражений, чтобы получать больше очков. Тем немногим друзьям, которые у меня были, включая моего Родителя, я надоела, и они ушли. Лишь один человек меня понял и помогал мне — командир легиона, к которому я тогда принадлежала. Я тоже хотела поделиться своей силой с этим человеком, и мы в течение приличного времени сражались плечом к плечу... Но когда я доросла до восьмого уровня, бонуса оказалось недостаточно, чтобы «прыжок» превратить в «полет», и когда я это поняла... мое желание превратилось в испорченный самообман... нет, в безумие.

— Бе... зумие.

Кинув быстрый взгляд на проскрипевшего это слово Харуюки, Скай Рейкер еле заметно улыбнулась и кивнула.

— Я... чтобы сделать свой аватар легче и увеличить дальность полета через инкарнацию, решила сбросить свое самое мощное оружие — ноги. Я попросила того человека — подругу и командира — отсечь их мечом. Она пыталась остановить меня. Но я тогда уже даже не понимала, что она чувствовала... Я наговорила ей много жестоких слов, но она лишь смотрела печально; и в конце концов она выполнила мою просьбу.

Скай Рейкер легонько погладила колено правой рукой и спокойно завершила рассказ:

— Я истратила все бонусы, освоила инкарнацию, даже отказалась от ног и потеряла способность ходить... и после всего этого мой потолок составил триста пятьдесят метров. В три с половиной раза больше, чем было с самого начала. Но я так и не смогла дотянуться до неба. Дотянулась я всего лишь до вершины этой старой Токийской телебашни. И тогда я наконец поняла. Мои сердечные раны, источник моего аватара, мои надежды и желания — в них просто не было необходимой силы. «Рейкер» означает «Смотрящий сверху». Один миг смотреть сверху, из высшей точки параболы... вот абсолютный предел моей силы. К тому времени, когда я это поняла, я уже потеряла все, что было мне дорого.

Затем Скай Рейкер с тенью улыбки на губах спросила Харуюки:

— Итак, Сильвер Кроу. Ты выслушал историю дуры; ты по-прежнему хочешь учиться летать с помощью системы инкарнации? Это на девяносто девять процентов невозможно; ты по-прежнему хочешь попытаться?

— ...

Харуюки повесил голову и закусил губу.

...Безнадежно. Если она не смогла, Бёрст-линкер восьмого уровня, такая сильная, то что смогу сделать я, плакса, трус и вообще никто.

Даже если все останется как есть, мои крылья не навсегда пропали. Придется два года терпеть, и они вернутся. А Такуму и Черноснежка... я придумаю какое-нибудь объяснение, навру и буду втихаря платить Номи. Два года — и все будет хорошо. Когда надо мной Арая измывался, это ведь полгода длилось, да? А Тиюри... если я буду ее особенно сильно просить, то она выдержит, что ее в дуэлях используют как комнатную собачку. Все будет нормально, прижать руки-ноги, жить, глядя все время вниз, — нормально.

— ...Для меня...

Это невозможно.

Харуюки хотел так ответить. Он хотел ответить, встать, отправиться к portalу, который был у него за спиной, и вернуться в реальный мир.

— ...Я, для меня...

Однако что-то в его груди упрямялось и не пускало наружу последующие слова. Как будто сам аватар по имени «Сильвер Кроу» отказывался их произносить. Теперь, потеряв крылья, он был всего лишь человечком из палочек — руки-ноги как спички, непропорционально большая голова, — но он словно пытался сказать Харуюки, что в нем еще осталось что-то ценное.

Харуюки сделал большой глоток воздуха и задержал его в дрожащей груди.

Потом, не поднимая головы, произнес:

— Я еще должен кое-что сделать. ...Прошу тебя. Пожалуйста, научи меня... пользоваться «системой инкарнации».

Скай Рейкер снова тонко улыбнулась и склонила голову чуть набок.

— Это займет много времени, очень много.

— Мне плевать.

— Больше, чем ты сейчас себе представляешь; скорее всего, намного больше. Возможно, тебе придется пройти «точку невозврата».

Значение этих слов Харуюки понял мгновенно.

Харуюки знал двух королев — Черного, Блэк Лотус, и Красного, Скарлет Рейн. Речь и поступки обеих девочек иногда совершенно не соответствовали их внешности в реальном мире. Все потому, что они провели очень, очень много времени в «Безграничном нейтральном поле». Настолько много, что между их физическим и ментальным возрастом образовался большой зазор.

Теперь и ему предстояло сделать выбор. Харуюки содрогнулся, но, сделав глубокий вдох, кивнул.

— Понятно. ...Пожалуйста, Скай Рейкер-сан.

— Хорошо.

Инвалидная коляска, скрипнув, развернулась, и отшельница ускоренного мира посмотрела на небо.

— ...Сейчас в реальном мире должно быть девять с небольшим. Сколько еще ты можешь оставаться в погружении?

— Дай подумать... завтра школа, но три-четыре часа — вполне нормально. Если понадобится, то и до утра...

Черноснежка предупреждала, что, если он останется в «Безграничном нейтральном поле» слишком надолго, у него притупятся воспоминания о том, что было в реале до погружения. Однако Харуюки решил, что на этот раз беспокоиться об этом незачем. Сколько бы времени ни прошло, он не забудет Сейдзи Номи, который украл его крылья. Ни за что, никогда.

— Отлично.

Сцепив пальцы, Скай Рейкер повернулась к Харуюки.

— Тогда... сейчас мы отдохнем.

— Да... чего?!

— Сейчас у тебя в голове каша после всего того, что сегодня произошло. В таком состоянии ты не можешь отрабатывать инкарнацию. Поскольку здесь уже вечер, выпишись как следует, а завтра с утра мы начнем. У нас много времени.

— К-как следует выспаться... — обалдело повторил Харуюки. — Но, но ведь если ты засыпаешь в Полном погружении, нейролинкер засекает мозговые волны и автоматически тебя разлогинивает?

— Во время ускорения об этом можешь не беспокоиться. Знаешь, недавно начало выходить аниме по манге знаменитого автора, который еще учится в старшей школе?

Озадаченный внезапной сменой темы, Харуюки тем не менее сумел чуть кивнуть.

— А... ага. Я фанат —

— Он высокоуровневый Бёрст-линкер. Спит он здесь — потому ему и удастся ходить в школу и одновременно каждую неделю сдавать новые главы. Совершенно неразумное поведение.

Что, этот классный мангака — Бёрст-линкер? Впрочем, если подумать, что-то подобное я уже слышал.

С легким ощущением дежа вю Харуюки двинулся следом за инвалидной коляской, тихонько покотившейся прочь.

Следом за хозяйкой он вошел в белый домик с зеленой крышей. Внутри оказалось на удивление просторно.

Комната, впрочем, была только одна. А в ней — лишь кухонный уголок, стол и кровать.

Скай Рейкер в своей коляске подъехала к печке и с негромким звяканьем сняла крышку со стоящей там кастрюли. Тут же по комнате расплылся мягкий, приятный аромат.

Харуюки ошеломленно смотрел, как Скай Рейкер накладывает в деревянные миски рагу, затем, держа их двумя руками, едет к столу. Положив рядом с мисками деревянные же ложки, она обратилась к Харуюки:

— Да не стой ты, садись.

— А... да, ага.

Неуверенно сев на стул с высокой спинкой, он посмотрел на рагу, от которого поднимался белый парок, и подумал:

Нет, но, как бы это сказать, мы же...

— Внутри игры-файтинга... — вырвалось у него вслух. Скай Рейкер невозмутимо кивнула.

— Ну да. А в чем проблема?

— Ну, это, ужинать в файтинге...

— О, помню, в одном старом файтинге на заднем плане зрители ели ramen.

— Это, это, конечно, да, но!

Харуюки дико захотелось почесать в затылке, и одновременно с этим на него накатило страшное чувство голода. Он ведь совсем недавно съел пиццу в реальном мире — откуда же это ощущение пустого желудка?

Но этот метафизический вопрос вылетел у него из головы, когда Скай Рейкер произнесла «Приятного аппетита», и Харуюки поспешно схватил деревянную ложку.

И вновь застыл.

— Аа, но, но, мой рот.

Лицо Сильвер Кроу было полностью закрыто зеркальной серебряной маской — без глаз, носа и рта. Однако, увидев, что Скай Рейкер жестом приглашает его есть, Харуюки нерешительно зачерпнул содержимое миски и поднес к лицу. И тут —

С тихим гудением нижняя часть маски чуть-чуть сдвинулась вверх. Харуюки в изумлении притронулся к этому месту левой рукой и явственно почувствовал там рот. Окончательно перестав что-либо понимать, он пробормотал «Приятного аппетита» и сунул в рот ложку.

...Оказалось просто замечательно.

Вкус был куда естественнее, чем от любого VR-движка воспроизведения вкуса, — тонкий, нежный. Харуюки зачерпнул по очереди кусок картошки, маленькую луковицу и кусок курицы и отправил в рот. Пока он жадно ел, Скай Рейкер, сидящая напротив и изящно орудующая ложкой, улыбнулась и произнесла:

— Я рада, что тебе нравится, Ворон-сан. Пожалуйста, получай удовольствие в полной мере. Чтобы это воспоминание осталось у тебя надолго.

— ...Что?

Опустошив миску с такой скоростью, что даже вздохнуть было некогда, Харуюки наконец задумался о смысле только что услышанных слов. Однако Скай Рейкер, не отвечая на его вопрос, начала легкими движениями закидывать миски на кухонные полки; так что Харуюки оставалось лишь сказать «спасибо».

Кинув взгляд в выходящее на юг окно, он вдруг заметил, что снаружи уже совсем стемнело. В одном месте было светло — возможно, на острове Одайба; блики на покачивающейся черной воде виднелись издалека.

Скай Рейкер щелкнула пальцами, и — то ли дом был так устроен, то ли опять «инкарнация» сработала, но все занавески разом задвинулись. Инвалидная коляска, поскрипывая, подъехала к маленькой кровати, и безногий аватар, помогая себе лишь правой рукой, перебрался на простыню.

— Ладно. Сейчас еще рановато, но нам пора спать.

Что?

Спать, она сказала.

Одна кровать. Два аватара. Это значит — что это значит?

Одно мгновение Харуюки пытался на полной скорости соображать; из этого состояния его вывела брошенная в него подушка, в которую он машинально вцепился. Ну да чего еще ожидать о чем блин я думал дурак дурак идиот. Молча ругая себя, Харуюки уложил свой серебряный аватар на пол. Поскольку его тело было все покрыто твердой металлической броней, не имело особого значения, лежать на кровати или на досках.

Скай Рейкер повесила капор на крюк в стене, быстро сняла и кинула в сторону платье, после чего легла и снова щелкнула пальцами. Потолочная лампа и огонь в печи погасли, и комнату залила светло-синяя тьма.

— Спокойной ночи, Ворон-сан.

Как и следовало ожидать от Родителя Эш Роллера, она совершенно необычный человек.

Впечатленный, Харуюки ответил:

— Сп-покойной ночи...

Мысленно он тут же воскликнул: Как будто я смогу заснуть в такой ситуации! — но.

Как ни странно, как только он принял удобную позу возле стола и закрыл глаза, его сознание начало окутываться белым туманом. Правильно сказала Скай Рейкер: полный событий день его ментально истощил.

Конечно, он ни за что не забудет своего унижения и отчаяния из-за Номи. Но сейчас, лежа в этом домике в этом мире, он чувствовал, что все черное отодвигается прочь. Может, это из-за того, что вкусный ужин у него в животе стоил мисочки счастья, а может, это было просто удовольствие от поглощения реалистичной пищи.

Сопротивляясь сонливости, склеивающей ему веки, Харуюки еле слышно прошептал:

— А, Скай Рейкер-сан. Можно я спрошу кое о чем?

— Пожалуйста.

Ответ пришел мгновенно. Харуюки повернулся к кровати и, глядя на стройный силуэт, спросил:

— Это... Эш Роллер-сан, он уже освоил систему инкарнации?

— В полной мере нет. Но я давала намеки, и он много до чего додумался.

Услышав эти слова, Харуюки кое-что понял. Новая способность Эш Роллера управлять мотиком стоя выглядела абсурдной, но, похоже, тут он подключил силу воображения. Лежа на полу, Харуюки кивнул и задал следующий вопрос.

— Раз ты его Родитель, значит, ты сейчас тоже в Зеленом легионе?..

На этот раз ответ пришел не сразу.

— ...Нет. Я принадлежала и буду принадлежать только к одному легиону.

— Тогда... это, — и Харуюки, невольно подняв голову, задал вопрос, который его волновал больше всего. — Этот легион... может быть, «Нега Небьюлас»? А ноги отрезать ты попросила —

— Блэк Лотус. Сильнее, благороднее и добрее всех на свете; моя единственная подруга.

Услышав тихий, но красивый, почти поющий голос, Харуюки легонько кивнул.

— Я так и думал... что это она. Ты... когда-то с ней...

— Это старая история.

Коротая фраза опустилась на Харуюки с кровати, словно стараясь накрыть его слова.

— Это было очень, очень давно. Ладно... спи, Ворон-сан. Завтра рано вставать.

Следом Харуюки услышал тихий шорох человека, переворачивающегося на другой бок. Скай Рейкер явно не желала продолжать разговор.

...Хочу узнать больше. О ней, о старых временах.

Несмотря на эти эмоции, страшная тяжесть придавила голову Харуюки к подушке.

Он предоставил свое тело теплой черноте и провалился в бездну глубокого сна.

В следующий миг голова Харуюки стукнулась об пол, и он невольно открыл глаза.

Что за дела, я же еще спал, кто спер мою подушку... Он приподнялся и сел. Через окно с раздвинутыми занавесками виднелось небо, окрашенное в шикарные оранжевые и фиолетовые тона; от яркого света Харуюки зажмурился.

— Э... уже что, утро?!.

— Точно. Доброе утро, Сильвер Кроу.

Повернув голову на звук, он увидел Скай Рейкер, возвращающую только что вытащенную из-под него подушку на кровать. Она уже надела свои белые платье и капор.

— Д-доброе утро... Эмм, а сколько сейчас времени?

Услышав этот вопрос, аватар небесного цвета молча указал в сторону кухонного уголка. На шкафчике возле стены стояли бронзовые часы; стрелки показывали пять утра. Если вчера он лег вскоре после захода солнца, то, похоже, продрых без задних ног полновесные десять часов.

Голова была совершенно свежей, будто ее как следует промыли холодной водой. Он вообще не мог вспомнить, чтобы когда-либо просыпался таким бодрым. При этом в реале прошло немногим больше полуминуты.

— ...Понятно, здесь спать — отличный способ потратить очки... — невольно пробормотал он. Скай Рейкер улыбнулась.

— Только есть риск, что, пока ты спишь, тебе голову отрежут.

— ...Э.

— Сейчас уже поздно держаться за шею. Я тебя пять раз звала, а ты все не просыпался.

Вот, значит, почему ей пришлось выдернуть из-под меня подушку. Поняв это, Харуюки поник плечами.

— П-прости. В следующий раз я проснусь как положено.

Однако Скай Рейкер в ответ лишь загадочно улыбнулась и поехала в своей коляске к входной двери.

Утреннее «Безграничное нейтральное поле» сияло совершенно другой красотой по сравнению с вечерним. Свойство «Пустыня» по-прежнему сохранялось, но красновато-бурые скалы под восходящим солнцем казались гигантскими рубинами.

Коляска, поскрипывая, проехала по траве, мокрой от утренней росы, и остановилась у северной скамейки, где Харуюки и Скай Рейкер разговаривали вчера вечером. Харуюки подошел и молча встал рядом, ожидая, что скажет Скай Рейкер.

Когда-то член «Нега Небьюлас», сейчас отшельница ускоренного мира, Бёрст-линкер восьмого уровня — девушка сделала глубокий вдох и строго произнесла:

— Сильвер Кроу. С этого момента ты начнешь осваивать систему инкарнации.

— Да... да, пожалуйста!

Харуюки глубоко поклонился.

Научиться управлять аватаром с помощью силы воображения, «системы инкарнации» — это была его единственная надежда. Сколько бы дней или недель у него ни ушло, он обязательно выучится.

В сердце у него кипела решимость, в голове играла музыка из сцены тренировки в каком-то гонконгском фильме про кун-фу. Харуюки ждал первого указания.

...Однако.

— ...Можно сказать, всю суть инкарнации можно выразить одним словом. Если его понять, любой может пользоваться этой техникой.

— Ч-чего?

Плавная речь Скай Рейкер заставила колени Харуюки подогнуться.

— ...Всего, всего одно?.. И если этот секрет узнать, станешь мастером?

— Совершенно верно.

— Пожалуйста, научи меня.

Естественно, когда он это сказал —

— Хорошо. Но только при нашей следующей встрече, не раньше.

Словно стремясь вернуть ей обратно этот ответ, Харуюки подошел на шаг ближе.

— Не... нет, пока ты меня не научишь, я не вернусь в реальный мир!

— Я имела в виду следующую встречу не в этом смысле. Я имела в виду...

Она смолкла и махнула рукой; Харуюки подошел еще на шаг.

Качнув волосами цвета неба, изящная правая рука аватара мягко прикоснулась к спине Харуюки...

— ...Вот что.

...и толкнула его горизонтально.

— Э... оо... ааа...

Харуюки, шатаясь, сделал по траве шаг, потом второй.

Третий шаг был уже в воздух.

— ...Э.

— Удачи, Ворон-сан.

Улыбающееся лицо Скай Рейкер улетело вверх. Точнее сказать — тело Харуюки понеслось вниз с трехсотметровой высоты.

— Э... пого... уааа...

В панике он махал руками, как крыльями, но, разумеется, никакой пользы это не принесло. Виртуальная гравитация тянула его вертикально вниз —

— Уа... а... ааа...

Харуюки умер.

Примечания

↑ Too late — (англ.) «Слишком поздно».

↑ Very yes — (англ.) дословно «Очень да».

↑ 333 метра — высота старой Токийской телебашни.

↑ Hold me tight — (англ.) «Держись за меня крепко».

↑ Shit — (англ.) «Дерьмо».

↑ Fly high — (англ.) «Лети вверх».

↑ Sky Raker — имя можно перевести с английского как «Подпирающий небо» или «Смотрящий с неба».

↑ В оригинале имя Silver Crow, как и остальные имена аватаров, на английском, а Рейкер к нему обращается на японском, «Карас-сан». Вообще говоря, crow — это «ворона», а не «ворон», но японцы этих двух птиц не различают и обеих называют «карас». Поэтому я для благозвучия использовал здесь «Ворон-сан».